

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ТЕРРОРИЗМ В РОССИИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ И СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Аннотация.

Актуальность и цели. Террористические атаки остаются одной из наиболее опасных форм преступности во всем мире. Понимание любого правового явления будет неполным без изучения его исторического развития. Целями работы является анализ этапов развития правового запрета на терроризм и выявление в нем закономерностей, отражающихся в современном праве.

Материалы и методы. Были использованы метод диалектики как общенаучный метод познания, позволяющий изучать явления и процессы окружающей действительности в их историческом развитии, а также частнонаучные методы (формально-юридический, сравнительно-правовой и метод системного анализа).

Результаты. Рассмотрены различные периодизации правового регулирования запрета на терроризм в российском праве. Автор привел и обосновал собственную точку зрения по данному вопросу. Проанализированы нормы законов дореволюционного и советского времени. Определены недостатки правового регулирования уголовной ответственности на каждом этапе и закономерности изменения ее содержания.

Выводы. Сформулированные в исследовании теоретические положения направлены на выработку рекомендаций по совершенствованию российского законодательства и способны качественно повысить его уровень. Они также могут быть использованы в научной деятельности и учебном процессе учреждений высшего профессионального образования юридического профиля, при повышении квалификации практических работников и научно-педагогических кадров в области юриспруденции.

Ключевые слова: терроризм, террористический акт, преступления, государственная безопасность, убийство государственного деятеля.

Е. А. Капитонова

THE DEVELOPMENT HISTORY OF LEGAL REGULATION OF LIABILITY FOR TERRORISM IN RUSSIA IN PRE-REVOLUTIONARY AND SOVIET PERIODS

Abstract.

Background. Terrorist attacks remain one of the most dangerous forms of crime worldwide. Understanding of any legal phenomenon would be incomplete without a study of its historical development. The paper is aimed at analyzing stages of development of the legal prohibition on terrorism and the identification of regularities in it, reflected in modern law.

Materials and methods. The author used the method of dialectics as a general scientific method of knowledge that allows to study the phenomena and processes of reality in their historical development, as well as private-scientific methods (formal-legal, comparative legal methods and system analysis).

Results. The author considered different periodizations of legal regulation of the prohibition of terrorism in the Russian law, put forward and justified her own point of view on this issue. The provisions of laws of pre-revolutionary and Soviet times were analyzed. Deficiencies in the legal regulation of criminal responsibility at each stage and the patterns of change in its content were identified.

Conclusions. The theoretical propositions, formulated in the study, are aimed at elaboration of recommendations on improving the Russian legislation and are able to raise the level thereof. They can also be used in academic activity and in the educational process of higher professional education establishments of the law sphere, as well as in qualification up-grading of practical staff and scientific-academic personnel in the sphere of jurisprudence.

Key words: terrorism, terrorist attack, crime, state security, murder of a statesman.

На протяжении долгого времени в научной среде ведется дискуссия относительно момента возникновения терроризма как социального явления. Некоторые ученые приравнивают к нему любое политическое убийство и тем самым обнаруживают корни терроризма еще в античных временах (например, У. Лакер [1, с. 27]). В качестве самого раннего акта терроризма в России рассматривается, к примеру, убийство братьев-князей Бориса и Глеба [2, с. 18; 3, с. 14]. После смерти их отца, князя Владимира, в 1015 г. киевский трон захватил его племянник, туровский князь Святополк, который в целях завладения властью прибег к физическому уничтожению законных наследников. Нашедший отражение в летописях исторический эпизод довольно часто определяется учеными как один из первых фактов политически мотивированного убийства и, как следствие, предвестник террористического акта. Пусть это еще не терроризм в нынешнем понимании термина, и имеет он чрезвычайно узкую сферу применения (используется лишь как вспомогательное средство в обретении власти, для устранения политических конкурентов), но некоторые признаки деяния в данном случае якобы уже имеются, а потому его можно рассматривать в качестве своеобразного «прародителя» современного теракта.

Представители второй точки зрения считают терроризм исключительно феноменом конца XX в. (М. Ферро, Н. Неймарк) [4, с. 172]. Их позиция основана на том, что именно в этот период произошло бурное развитие технического прогресса, СМИ и способов передачи информации, что, в свою очередь, обусловило изменение стратегии и способов совершения террористических актов, усилило устрашающее воздействие их на население, придав тем самым терроризму совершенно иное звучание, более близкое к современным реалиям. Со своей стороны считаем, что более верной представляется именно эта точка зрения. Деяния террористического характера в том смысле, который придается им действующим законодательством, действительно появились только в прошлом веке. Все, что имело место раньше, нужно оценивать скорее как разновидности политического убийства (акты физического устранения конкретных, имеющих отношение к власти лиц по политическим мотивам). В дальнейшем при рассмотрении исторического развития уголовно-правовых норм о терроризме мы будем упоминать также и положения, посвященные запрету политических убийств. Анализ этих норм, думается, лишней раз подчеркнет обоснованность высказанных суждений о разнице между терактами и убийствами со специальным мотивом.

Периодизация терроризма как уголовно наказуемого деяния у российских авторов в целом примерно совпадает. Так, Ю. С. Горбунов выделяет в развитии квалификации этого преступления три этапа: царский, советский и постсоветский [5, с. 98]. Немного отличается суждение М. Ф. Мусаеляна, считающего, что история российского уголовного законодательства о терроризме неразрывно связана со следующими четырьмя основными этапами (периодами) развития этого явления в России:

1) до 1866 г. (появление терроризма в Средние века, а также попытки регулирования схожих деяний в более ранний период);

2) 1866–1917 гг. (терроризм в период революционной ситуации 1879–1880 гг. и революции 1905–1907 гг.);

3) 1917–1990 гг. (советский период терроризма);

4) с 1990 г. по настоящее время (качественно новый период постсоветского масштабного терроризма) [6, с. 27].

Первые шаги в уголовно-правовой регламентации ответственности за террористические акты (если, конечно, относить к их числу политические убийства) можно обнаружить уже в Русской Правде (XI–XII вв.). Этот первый на Руси кодифицированный свод законодательных установлений предусматривал особую ответственность за убийство представителя княжеской администрации и людей, находящихся в зависимости от князя. В дальнейшем, однако, подобный вид деяния хотя и сохранялся (например, Судебник 1550 г. устанавливал смертную казнь для «государственного убийца»), но долгое время не развивался и не обрстал дополнительными квалифицирующими признаками. Ни в Псковской и Новгородской судных грамотах, ни в Судебниках 1497 и 1550 гг. понятий, похожих на современный «террористический акт», не существовало (лишь поджог был под уголовно-правовым запретом, но рассматривался он, скорее, как один из способов причинения вреда чужому имуществу).

В Средние века в России деяния террористической направленности в понимании, приближенном к современному, также не были криминализованы. В качестве оружия политической борьбы терроризм стал использоваться только в XIX в. Традиции русских крестьянских бунтов (Пугачев, Разин, Булавин, Болотников), идеалы Французской революции и идеи германских философов сформировали слой населения с новыми взглядами на политическую ситуацию в стране и способы воздействия на нее. Одна за другой появлялись группировки, которые были готовы влиять на власть самым жестоким образом – путем взрывов и убийств высших должностных лиц государства.

Ученые не сходятся во мнении при оценке даты рождения русского терроризма как новой формы преступного деяния, уже сформировавшейся, но пока не урегулированной на законодательном уровне. По мнению одних авторов, отправной точкой стал 1866 г., когда Дмитрий Каракозов 4 апреля совершил первое из неудачных покушений на российского императора Александра II [7, с. 203]. Другие считают, что таковой следует признать 24 января 1878 г., когда накануне суда над народниками Вера Засулич совершила покушение на жизнь генерала Трепова, которое в дальнейшем вызвало целую волну репрессий и посягательств, следовавших друг за другом [8, с. 114].

В конечном счете точная дата не так уж важна для цели настоящего исследования. Важнее другое: революционная ситуация 1879–1880 гг. во многом обусловила принятие нового Уголовного уложения 1903 г. В этом документе довольно часто использовались понятия «взрыв», «взрывчатое вещество», «снаряд» и т.п., а за преступления, связанные с их применением, предусматривались строгие наказания. В Уложении по-прежнему отсутствовали сами понятия «терроризм» и «террористический акт», но в нем уже предусматривалась ответственность за деяния, схожие с их современными трактовками (например, совершение убийства, в том числе и главы иностранного государства, путем заготовления взрывчатого вещества или снаряда (ч. 2 ст. 457), посягательство на жизнь, здоровье, свободу или вообще на неприкосновенность священной особы царствующего императора, императрицы или наследника престола (ст. 99)).

Относительно последнего примера в научной литературе существуют различные точки зрения. Так, В. Е. Петрищев считает неправильным отождествление политически мотивированных убийств царствующих особ периода российского самодержавия с современным пониманием террористических актов, так как указанное преступление больше соответствует ст. 278 и ч. 2 ст. 105 УК РФ [9, с. 190]. В то же время М. Ф. Мусаелян отмечает, что в данной ситуации имеют место признаки современного террористического акта [6, с. 29].

Более правильным из числа приведенных считаем суждение М. Ф. Мусаеляна, поскольку указанные деяния в целом соответствуют понятию террористического акта, которое закрепляется в современном Уголовном кодексе РФ. Убийство высшего должностного лица государства (к примеру, императора Александра II) не может не повлечь устрашение населения. Оно может быть осуществлено в том числе и посредством совершения взрыва, поджога или иных действий (в случае с Александром II – путем бомбометания). Имеет место и характерная для теракта цель – воздействие на принятие решений органами власти (прекращение репрессий против народников, в осуществлении которых русские бомбисты обвиняли Александра II).

Таким образом, первые два этапа исторического пути терроризма (до 1866 г. и 1866–1917 гг.) могут быть определены как время формирования общего понятия терроризма и его характерных признаков, что в будущем поспособствовало его оформлению в качестве отдельного уголовно-правового запрета.

В период действия в стране советской власти в государстве были введены поочередно три Уголовных кодекса – в 1922, 1926 и 1960 гг. В силу повышенной общей идеологизированности общества юристы того времени с особым нажимом указывали, что террористический акт может быть совершен только с контрреволюционным умыслом, а отсутствие такового исключает возможность квалификации по данному составу преступления [10, с. 174–175].

Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. [11] впервые ввел в российское законодательство понятие «террористический акт» и содержал сразу несколько соответствующих статей в части первой «О контрреволюционных преступлениях» гл. I Особенной части («О государственных преступлениях»). В частности, ст. 64 УК РСФСР предусматривала ответственность за организацию терактов «в контрреволюционных целях». В статье исчерпывающим образом

определялся круг возможных потерпевших (представители советской власти или деятели революционных рабоче-крестьянских организаций), что было специфической особенностью того времени. Преступным также признавалось участие в выполнении терактов, «хотя бы отдельный участник такого акта и не принадлежал к контрреволюционной организации». Кроме того, ст. 68 УК РСФСР предусматривала ответственность за укрывательство и пособничество совершению терактов, которые не связаны с непосредственным совершением данного преступления или при неосведомленности о его конечных целях. Наказание за совершение данных преступлений предусматривалось практически безальтернативное – высшая мера наказания (смертная казнь) и конфискация всего имущества, с допущением при смягчающих обстоятельствах понижения наказания до лишения свободы на срок не ниже пяти лет со строгой изоляцией и конфискацией всего имущества.

Статья 89 Уголовного кодекса в качестве наказуемого закрепляла недонесение о достоверно известных предстоящих и совершенных террористических актах. Поскольку это преступное деяние признавалось направленным уже не непосредственно против революции, а только против порядка управления (о чем свидетельствует размещение соответствующей статьи не в первой, а во второй части первой главы Особой части УК РСФСР), то и наказание за него предусматривалось значительно более мягкое – лишение свободы на срок до одного года.

Нельзя не отметить и еще несколько статей, схожих по признакам описанного ими деяния с современным терактом. Например, ст. 65 УК РСФСР устанавливала ответственность за организацию в контрреволюционных целях разрушения или повреждения взрывом, поджогом или другим способом железнодорожных или иных путей и средств сообщения, средств народной связи, водопроводов, общественных складов и иных сооружений или строений, а равно за участие в выполнении указанных преступлений. Статья 197 УК РСФСР криминализовала умышленное истребление или повреждение имущества путем поджога, потопления или другим общепасным способом. Последнее преступление, однако, уже не относилось к государственным, поскольку не затрагивало непосредственно интересы власти и ее представителей. Вполне оправданно его тяжесть оценивалась как менее значительная, по сравнению с перечисленными выше деяниями террористического характера (статья входила в гл. VI «Имущественные преступления» и предусматривала в качестве наказания лишение свободы на срок до пяти лет со строгой изоляцией).

Таким образом, в вопросе правового регулирования уголовной ответственности за терроризм был сделан существенный шаг вперед, причем УК РСФСР 1922 г. предусматривал ответственность не только за организацию и участие в совершении террористических актов, но также за укрывательство, пособничество и недонесение, существенно расширив границы уголовно-правового регулирования противодействия совершению терактов. Была четко определена цель совершения подобных деяний как обязательный признак терроризма, но при этом никак не регулировались другие признаки состава преступления.

Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. [12] в ст. 58.8 также устанавливал ответственность за совершение террористических актов. Этот вид деяния

по-прежнему считался направленным исключительно против носителей советской власти, на чем был сделан акцент уже самим фактом расположения соответствующей статьи в общей структуре уголовного закона. Статья 58.8 была включена в гл. I Особенной части УК («Контрреволюционные преступления»). Текст этой статьи практически не претерпел изменений по сравнению со ст. 64 УК РСФСР 1922 г. – «организация в контр-революционных целях террористических актов, направленных против представителей Советской власти или деятелей революционных рабоче-крестьянских организаций, а равно участие в выполнении таких актов, хотя бы отдельный участник такого акта и не принадлежал к контр-революционной организации». И цели, и перечень возможных потерпевших от преступления оставались теми же, что и раньше. Не изменилась и санкция для преступника – расстрел и конфискация всего имущества, с допущением, при смягчающих обстоятельствах, понижения до лишения свободы со строгой изоляцией на срок не ниже пяти лет с конфискацией всего имущества.

Уголовный кодекс РСФСР 1926 г., как и предшествовавший ему УК РСФСР 1922 г., расширял пределы уголовно-правового регулирования ответственности за терроризм посредством увеличения числа статей, регламентирующих соответствующие составы преступлений. Помимо ст. 58.8, к лицам, совершившим деяния, сходные с современными терактами, могли применяться также:

– статья 58.9 – организация в контрреволюционных целях разрушения или повреждения взрывом, поджогом или другим способом железнодорожных или иных путей и средств сообщения, средств народной связи, водопроводов, общественных складов и иных сооружений или строений, а равно участие в выполнении указанных преступлений;

– статья 58.12 – укрывательство и пособничество вышеуказанным преступлениям, не связанные с непосредственным совершением этих преступлений или при неосведомленности об их конечных целях.

Имелся в Уголовном кодексе и аналог ст. 197 УК РСФСР 1922 г., предусматривавший ответственность за умышленное истребление или повреждение имущества, принадлежащего частным лицам (ст. 175). Совершение деяния путем поджога, затопления или каким-либо иным общепасным способом рассматривалось как квалифицированный состав и подразумевало повышенные меры ответственности – лишение свободы на срок до пяти лет (вместо лишения свободы или принудительных работ на срок до шести месяцев или штрафа до пятисот рублей, установленных в качестве санкции для основного состава преступления). Особо квалифицированный состав в той же статье составляли «те же действия, повлекшие за собой человеческие жертвы или общественное бедствие». Такое деяние могло повлечь в качестве наказания уже лишение свободы на срок до десяти лет. Статья 175 была включена в гл. VII «Имущественные преступления» и считалась, безусловно, менее тяжким деянием, в сравнении с террористическим актом. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что квалификация терактов по-прежнему носила односторонний характер. Потенциальными жертвами теракта признавались исключительно носители власти (представители советской власти или деятели революционных рабоче-крестьянских организаций). Простые граждане

государства, даже если они погибали при схожих обстоятельствах при реализации преступниками схожих целей дестабилизации общества и запугивания властей, признавались жертвами не терактов, а общеуголовных преступлений.

В целом уголовное законодательство Советского государства довоенного периода неизменно признавало обязательным квалифицирующим признаком терактов наличие у преступника политических мотивов. Основными видами террористических преступлений на практике признавались умышленное политическое убийство и уничтожение государственного имущества. Отсутствие в диспозициях точных признаков состава, за исключением целей террористов, нередко сказывалось на качестве и объективности правоприменения не лучшим образом.

Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. [13] предусматривал ответственность за совершение террористического акта в ст. 66 (ч. I «Особо опасные государственные преступления» главы первой Особой части «Государственные преступления»). Указанная статья предусматривала две формы теракта: убийство государственного, общественного деятеля или представителя власти (ч. 1) и причинение указанным лицам тяжкого телесного повреждения (ч. 2). В обоих случаях деяние должно было быть совершено в связи с государственной или общественной деятельностью потерпевшего. Субъективная сторона состава преступления дополнялась указанием на цель – «подрыв или ослабление Советской власти». Хотя из содержания статьи следовало, что совершение теракта возможно только с прямым умыслом, некоторые юристы того времени допускали возможность косвенного умысла по отношению к смерти и телесным повреждениям как последствиям террористического акта [14, с. 36].

Существенным образом изменился подход к наказанию за такого рода преступления. В предыдущих уголовных кодексах РСФСР главной мерой наказания для террористов являлась смертная казнь с конфискацией имущества, которая только в исключительных случаях могла быть заменена на лишение свободы со строгой изоляцией. Верхний предел срока лишения свободы при такой замене даже не оговаривался («на срок не ниже пяти лет с конфискацией всего имущества»). В УК РСФСР 1960 г. санкции несколько смягчились, а пределы сроков лишения свободы были строго оговорены. Совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 66 УК, влекло лишение свободы на срок от десяти до пятнадцати лет с конфискацией имущества или смертную казнь с конфискацией имущества. Часть 2 ст. 66 предусматривала только лишение свободы на срок от восьми до пятнадцати лет с конфискацией имущества. Таким образом, высшая мера наказания сменила свое назначение с первоочередного (основного) на исключительное (предусматривалась только за один состав из двух и имела альтернативу в виде лишения свободы).

Еще одно прогрессивное новшество ст. 66 УК РСФСР 1960 г. состояло в том, что в ней была более четко определена цель террористического акта – подрыв или ослабление советской власти. Тем самым законодатели отошли наконец от излишней идеологизированности текста уголовного закона. Довольно абстрактная и сугубо оценочная формулировка «контрреволюционные цели» уступила место более внятной терминологии (хотя и весьма далекой по-прежнему от современных понятий). Новеллой являлась также вся

ч. 2 ст. 66, в которой терактом признавалось причинение в результате посягательства жертве не смерти, а лишь тяжких телесных повреждений. Разделение деяний на разные составы в зависимости от последствий позволило дифференцировать и размер ответственности за каждое из преступлений, о чем уже было сказано выше.

Определенным шагом вперед в развитии запрета терроризма стала ст. 67 УК РСФСР 1960 г., которая предусматривала абсолютно новый вид возможной жертвы террористического акта – представитель иностранного государства. С личностью потерпевшего была связана и отличавшаяся своеобразием цель такого теракта. Убийство (ч. 1) или тяжкое телесное повреждение (ч. 2) должны были причиняться представителю иностранного государства «с целью провокации войны или международных осложнений». Анализ санкций ст. 66 и 67 Уголовного кодекса позволяет сделать вывод об одинаковой тяжести двух этих преступлений. Законодатель, по-видимому, не делал особых различий между пострадавшим советским и иностранным представителем власти (по крайней мере, не оценивал одного из них существенно значимее другого), поскольку наказания в обоих случаях предусматривались абсолютно идентичные. Кроме того, ст. 73 УК РСФСР предусматривала «в силу международной солидарности трудящихся» возможность применения уголовной ответственности, аналогичной установленной ст. 66, за особо опасные государственные преступления, совершенные против другого государства (в том числе за теракт). Таким образом, в определенной степени снова подтверждались и признавались интересы не только советской власти, но и представителей иностранных государств.

Правоприменители того времени считали возможной квалификацию деяний, носящих характер террористических, по совокупности преступлений. Совершенный теракт можно было дополнительно квалифицировать, например, по следующим нормам:

– статья 68 «Диверсия» – разрушение или повреждение взрывом, поджогом или иным способом предприятий, сооружений, путей и средств сообщения, средств связи либо другого государственного или общественного имущества с целью ослабления советского государства (наказывалось лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет с конфискацией имущества или смертной казнью, также с конфискацией);

– статья 72 – организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению особо опасных государственных преступлений, к созданию организации, имеющей целью совершить такие действия (санкция привязывалась к положениям ст. 66 УК РСФСР).

Отдельно в главе восьмой «Преступления против правосудия» в Уголовном кодексе РСФСР была установлена ответственность за укрывательство и недонесение о преступлениях. Так, ст. 189 оговаривала наказание за укрывательство преступлений, предусмотренных ст. 66, 67, 68 и 72 УК, если таковое не было обещано заранее (лишение свободы на срок от одного года до пяти лет или исправительные работы на срок до одного года). Статья 190 УК РСФСР, в свою очередь, содержала указание на ответственность за недонесение о достоверно известных готовящихся или совершенных преступлениях, предусмотренных ст. 66, 67, 68 и 72 УК – наказание в виде лишения свободы

на срок от одного года до трех лет или исправительные работы на срок от шести месяцев до одного года.

Большое количество статей, по которым можно было дополнительно квалифицировать деяния террориста, с одной стороны, отчасти размывало границы непосредственного состава, но, с другой, закладывало основу для более полного понимания сущности и признаков этого преступления.

В начале 1990-х гг. в связи с ломкой политического строя и распадом СССР текст уголовного закона начал существенным образом меняться. Значительные перемены можно увидеть и в содержании рассмотренных нами ранее норм. В частности, формулировка ст. 66 УК РСФСР стала иначе описывать субъективную сторону деяния – как убийство государственного или общественного деятеля либо представителя власти, «совершенное по политическим мотивам», либо тяжкое телесное повреждение, причиненное тому же лицу по тем же мотивам.

Идеология советской власти постепенно уступала место общепринятому правовому регулированию и в иных вопросах. Например, в апреле 1993 г. из Уголовного кодекса была исключена ст. 73, предусматривавшая «в силу международной солидарности трудящихся» возможность применения уголовной ответственности, аналогичной установленной ст. 66, за особо опасные государственные преступления, совершенные против другого государства (в том числе за теракт). В июле 1994 г. была отменена ответственность за диверсию (ст. 68). С другой стороны, зарождались основы будущих уголовно-правовых запретов, связанных с современными видами терроризма. Так, в Кодекс были внесены ст. 67.1 (применение биологического оружия, в том числе повлекшее гибель человека) и 67.2 (разработка, производство, приобретение, хранение, сбыт, транспортировка биологического оружия, в том числе повлекшие тяжкие последствия или совершенные в соучастии либо специальным субъектом – лицом, которому биологические агенты или токсины были вверены по службе или которое имело доступ к ним в связи с выполняемой работой).

Но самым существенным нововведением стало внесение в июле 1994 г. в главу десятую Уголовного кодекса («Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения») ст. 213.3 («Терроризм») и ст. 213.4 («Заведомо ложное сообщение об акте терроризма») [15]. Можно с уверенностью утверждать, что именно с этого момента в законодательстве России появился термин «терроризм» в современном его понимании. Отныне в уголовно-правовой практике существовало довольно четкое определение терроризма как «совершения в целях нарушения общественной безопасности либо воздействия на принятие решений органами власти взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного вреда, а равно наступления иных тяжких последствий». Были предусмотрены также вполне логичные квалифицированные составы: те же действия, причинившие значительный ущерб, либо приведшие к наступлению иных тяжких последствий, либо совершенные организованной группой (ч. 2), и то же деяние, повлекшее смерть человека (ч. 3). Впервые на уровне уголовного закона был предусмотрен специальный вид освобождения от ответственности за терроризм – за своевременное предупреждение органов власти или иное содействие предотвращению акта терроризма (примечание к ст. 213.3 УК).

Тем не менее на практике оставались и некоторые неясности в трактовке этого явления. Разнесение статей о «террористическом акте» и «терроризме» по разным главам Уголовного кодекса порождало споры об их соотношении. С одной стороны, было абсолютно ясно, что теракт законодатель ограничивает пониманием его как физического воздействия на определенных лиц (государственного или общественного деятеля либо представителя власти – ст. 66 УК; представителя иностранного государства – ст. 67 УК). С другой стороны, подобное разграничение объекта теракта (государственный строй) и объекта терроризма (общественная безопасность) приводило к двусмысленности терминологии, уводило ее в сторону от принятых в мире толкований этих явлений. Определенные нарекания вызывала и мягкость отдельных санкций ст. 213.3 УК РСФСР. Так, основной состав преступления предусматривал лишение свободы на срок от трех до пяти лет, квалифицированный – то же наказание на срок от пяти до десяти лет с конфискацией имущества или без таковой, а особо квалифицированный – лишение свободы на срок от десяти до пятнадцати лет с конфискацией имущества или смертную казнь с конфискацией имущества. И если наказание за особо квалифицированный состав вполне соответствовало санкциям ст. 66 и 67 УК, предусматривавшим ответственность за террористический акт, и даже превышало наказание за простое умышленное убийство (ст. 103 УК РСФСР – лишение свободы на срок от трех до десяти лет), то размер наказания в основном составе вызывал некоторое недоумение. В том же размере наказывалось, к примеру, умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества (ст. 149) и незаконные сделки с валютными ценностями (ст. 162.7). Существенно строже (лишение свободы на срок до семи лет) каралось мужеложство (ст. 121). Подобную гуманность законодателя применительно к терроризму можно объяснить, по-видимому, отсутствием в то время резонансных преступлений такого рода и не до конца пережитыми издержками советского восприятия действительности. Со временем с ростом числа терактов санкции в этом направлении будут только ужесточаться.

Возникнув как форма вооруженного нападения на коронованных персон и государственных деятелей, терроризм на протяжении длительного времени постоянно менялся. Акцент в террористической деятельности постепенно смещался с «власть держащих» на мирное население, случайных людей. Уже к середине 1990-х гг. произошли серьезные изменения в личности, вооружении и тактике действий террористов, которые поставили перед правоохранительными органами немало новых задач.

Подводя итог анализу развития законодательства об ответственности за терроризм, можно сделать вывод, что на протяжении долгого времени в нормативных актах появлялись все новые элементы уголовно-правового регулирования подобных деяний, а пределы такого регулирования постепенно расширялись, что происходит и по сегодняшний день.

Список литературы

1. **Laqueur, W.** The new terrorism: Fanatism and arms of mass destruction / W. Laqueur. – New York : Oxford University press, 1999. – 312 p.
2. **Кошель, П. А.** История российского терроризма / П. А. Кошель. – М. : Голос, 1995. – 376 с.

3. **Гриб, Н. Н.** Криминологические аспекты противодействия терроризму в современной России : дис. ... канд. юрид. наук / Гриб Н. Н. – СПб., 2005. – 191 с.
4. **Будницкий, О. В.** Терроризм глазами историка. Идеология терроризма / О. В. Будницкий // Вопросы философии. – 2004. – № 5. – С. 171–173.
5. **Горбунов, Ю. С.** Уголовно-правовая квалификация терроризма: история, теория и практика / Ю. С. Горбунов // Журнал российского права. – 2006. – № 12. – С. 98–107.
6. **Мусаелян, М. Ф.** Историко-правовой анализ уголовного законодательства об ответственности за терроризм в России (XI – начало XX в.) / М. Ф. Мусаелян // История государства и права. – 2009. – № 13. – С. 27–30.
7. **Будницкий, О. В.** Кровь по совести: терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX века) / О. В. Будницкий // Отечественная история. – 2004. – № 6. – С. 203–209.
8. **Бородин, А. М.** Терроризм и современность / А. М. Бородин // Право и образование. – 2001. – № 3. – С. 112–131.
9. **Петрищев, В. Е.** Заметки о терроризме / В. Е. Петрищев. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 288 с.
10. **Пионтковский, А. А.** Курс советского уголовного права. Особенная часть. Т. 1 / А. А. Пионтковский, В. Д. Меньшагин. – М. : Госюриздат, 1955. – 800 с.
11. Уголовный кодекс РСФСР (утв. постановлением ВЦИК РСФСР от 1 июня 1922 г.) // СУ РСФСР. – 1922. – № 15. – Ст. 153.
12. Уголовный кодекс РСФСР (утв. постановлением ВЦИК РСФСР от 5 марта 1926 г.) // СУ РСФСР. – 1926. – № 80. – Ст. 600.
13. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27 октября 1960 г.) (ред. от 30 июля 1996 г.) // Ведомости ВС РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 591.
14. **Исаева, Т. Б.** Законодательство и наука советского государства о терроризме / Т. Б. Исаева // История государства и права. – 2009. – № 1. – С. 34–36.
15. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : Федеральный закон от 1 июля 1994 г. № 10-ФЗ (ред. от 18 декабря 2001 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 10. – Ст. 1109.

References

1. Laqueur W. *The new terrorism: Fanatism and arms of mass destruction*. New York: Oxford University press, 1999, 312 p.
2. Koshel' P. A. *Istoriya rossiyskogo terrorizma* [The history of Russian terrorism]. Moscow: Golos, 1995, 376 p.
3. Grib N. N. *Kriminologicheskie aspekty protivodeystviya terrorizmu v sovremennoy Rossii: dis. kand. yurid. nauk* [Criminological aspects of terrorism counteraction in modern Russia: dissertation to apply for the degree of the candidate of juridical sciences]. Saint-Petersburg, 2005, 191 p.
4. Budnitskiy O. V. *Voprosy filosofii* [Philosophical problems]. 2004, no. 5, pp. 171–173.
5. Gorbunov Yu. S. *Zhurnal rossiyskogo prava* [The Journal of Russian Law]. 2006, no. 12, pp. 98–107.
6. Musaelyan M. F. *Istoriya gosudarstva i prava* [State and law history]. 2009, no. 13, pp. 27–30.
7. Budnitskiy O. V. *Otechestvennaya istoriya* [Russian history]. 2004, no. 6, pp. 203–209.
8. Borodin A. M. *Pravo i obrazovanie* [Law and education]. 2001, no. 3, pp. 112–131.
9. Petrishchev V. E. *Zametki o terrorizme* [Notes on terrorism]. Moscow: Editorial URSS, 2001, 288 p.
10. Piontkovskiy A. A., Men'shagin V. D. *Kurs sovetskogo ugolovnogogo prava. Osobennaya chast'. T. 1* [Soviet criminal law course. Special part. Vol. 1]. Moscow: Gosyurizdat, 1955, 800 p.

11. *SU RSFSR*. 1922, no. 15, art. 153.
12. *SU RSFSR*. 1926, no. 80, art. 600.
13. *Vedomosti VS RSFSR* [Bulletin of the Supreme Court of RSFSR]. 1960, no. 40, art. 591.
14. Isaeva T. B. *Istoriya gosudarstva i prava* [State and law history]. 2009, no. 1, pp. 34–36.
15. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected laws of the Russian Federation]. 1994, no. 10, art. 1109.

Капитонова Елена Анатольевна

кандидат юридических наук, доцент,
кафедра уголовного права, Пензенский
государственный университет (Россия,
г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: e-kapitonova@yandex.ru

Kapitonova Elena Anatol'evna

Candidate of juridical sciences, associate
professor, sub-department of criminal law,
Penza State University (40 Krasnaya street,
Penza, Russia)

УДК 343.341

Капитонова, Е. А.

История развития правового регулирования ответственности за терроризм в России в дореволюционный и советский период / Е. А. Капитонова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2016. – № 4 (40). – С. 17–28. DOI: 10.21685/2072-3016-2016-4-2